

Пыльная буря

Напомню, заканчивая 1962 год, отец очень надеялся на урожай 1963 года. Все последние годы где-то что-то случалось то с природой, то с людьми, раз от раза приходилось, чтобы не снизить потребление, не вернуться к очередям у дверей булочных, запускать руку в госрезервы, припасенные на случай всевозможных бедствий, и их становилось все меньше. Вот только что считать бедствием. Голод – это ужасное бедствие, но и очередь в булочной тоже не подарок.

Несмотря на то что урожаи и заготовки товарного зерна все эти годы возрастали: в 1953 году выращено 82,5 миллиона тонн зерна всех видов, государству сдано – 31,1 миллиона тонн, в 1962 году соответственно: до 140,2 и 56,6 миллиона тонн, – потребление росло еще быстрее и увеличилось с 42,5 миллионов тонн в 1954 году, до 56,6 миллионов тонн в 1962-м. Причина тому и рост народонаселения, и скормливание хлеба скоту, а главное – стремление наполнить полки магазинов, чтобы ни кирпичи-черняшки, ни батоны с булками больше не числились среди дефицита. В результате государственные резервы неуклонно сокращались: с 13,1 миллиона тонн в 1954 году до 6,3 миллионов тонн в 1962-м. Я уже приводил эти цифры ранее, но еще раз хочу напомнить, так как без этих показателей дальнейший рассказ теряет смысл.

В 1962 году баланс прихода и расхода зерна свели по нулям. Хороший, даже просто выше среднего урожай в 1963 году мог бы переломить тенденцию, увеличатся заготовки, и весь прирост можно пустить на восполнение резервов.

Зима 1963 года выдалась морозной, но снежной. Выступая 12 марта 1963 года на совещании руководителей колхозно-совхозных управлений РСФСР, Хрущев даже позволил себе помечтать, шуточно «пострашал» слушателей: «Нынешняя зима богата снегом, будет много влаги. Если посевы хорошо перезимуют и весна окажется благоприятной, то вы получите такой большой урожай, что, пожалуй, попросите прибавить план закупок хлеба. Мы же посоветуем вам прибавку от высокого урожая использовать на развитие животноводства». Появятся дешевые корма, и сразу спадет нагрузка на хлебные полки магазинов, а значит, и госрезервы зерна начнут расти. В общем, будущее вырисовывалось отцу в весьма благоприятном свете. И не только в сельскохозяйственной сфере. При хорошем урожае на сытый желудок и реформа, о которой он задумался прошлой осенью, пойдет легче. Однако пока отец делил шкуру неубитого медведя.

Надежды на хороший урожай 1963 года начали рушиться уже ранней весной. Как оказалось, снег, обещавший дать влагу озимым, на Казахской целине выпал слишком поздно на уже вымороженные, мертвые посевы. Теперь, по весне, приходилось пересевать. Дело неприятное, но привычное, такое в России, в Казахстане, на Украине да и в Америке с Австралией случается каждые пять-шесть лет. Но беда не приходит одна. Как только на целинных полях появились первые всходы пересейных по весне яровых, ударила сушь. Корни неокрепших растений не успели развиться, схватить почву, а в мае задули ветры и, по некоторым сведениям, 7-го числа, в Казахстане разразилась пыльная буря. Особенно пострадала Павлодарская область. Не видевшим этого природного феномена трудно себе представить, что происходит. Палящее солнце, сушь, безветрие, и вдруг подул пока еще слабый ветерок, то тут, то там на поле начинают завихряться маленькие смерчки, поднимают в воздух остатки прошлогодней соломы и умирают, не родившись, бросают ее назад на землю. Это еще не буря и даже не увертюра к ней, такое случается в степи регулярно и чаще всего ничем не заканчивается. Только изредка вслед за увертюрой начинается настоящее действие. Смерчки сменяются низовым ветром, поднимающим в воздух измельченную в пыль плугом и бороной и еще не схваченную корнями растений почву. Ветер гонит пылевую поземку,

несет солому, перекаати-поле. Буря набирает силу, и вот уже черная туча-стена вырастает во все небо от горизонта до горизонта, наваливается на поля. Это и есть черная буря, черная метель, метель без снега, вместо снежинок ветер гонит пылинки. Суховой в минуты высушивает растения, превращает, еще некрепкие стебельки и корешки в труху. Иссушенной почве больше не за что держаться. В воздух поднимаются миллионы тонн того, что еще вчера называли черноземом. Становится трудно дышать, пыль забивает легкие, слезятся глаза. И так продолжается несколько часов, а то и дней. Наконец ветер куда-то улетает и уносит с собой не только превратившуюся в пыль почву, но и надежду хоть на какой-либо урожай.

На самом деле пылевые бури не так уж и необычны, и не обязательно они черные, цвет их зависит от региона, от почвы. На целинных и украинских черноземах они черные, на американском Среднем Западе – ржаво-коричневые, в Китае – желто-лессовые. Сдувая, унося с собой верхний плодородный слой почвы с одного поля, ветер возвращает его, высыпает неожиданно-негаданно дар на чьи-то далекие поля, возможно, до того и вовсе безжизненные. В Среднюю Азию ветер-афганец ежегодно заносит тысячи тонн плодородной пыли, сдутой где-то с афганских полей. Но «обобранному» хлеборобу от этого не легче, пусть кому-то и повезло, но его труд пошел прахом.

Вот только несколько фактов из истории черных бурь. В мае 1934 года сухой сдул верхний слой почвы с полей американских штатов Вайоминг и Монтана, унес пыль далеко на восток и буквально обрушил пылевой «дождь» на Чикаго. На несколько дней, жизнь в городе стала невыносимой. 15 апреля 1935 года, в воскресенье, на американском Среднем Западе, в штате Оклахома пылевая красная буря сдула почву вместе с семенами пшеницы и кукурузы с трех миллионов гектаров. Через два года, в 1937 году очередная пыльная буря разразилась в Калифорнии. А всего в 1930-е годы пылевые бури прошли по двадцати семи американским штатам. В 1983 году пылевая буря бушевала в Австралии в районе Сиднея. В 1991 году, в ноябре, когда урожай уже успели собрать, сильнейший ветер поднятой им пылью закрыл солнце, и движение на дорогах в районе Лос-Анджелеса остановилось на несколько дней. В 2002 году засуха охватила запад Соединенных Штатов, от штатов Монтана и Дакота на севере до Техаса и Нью-Мексико на самом юге, но ветер поднялся только в Калифорнии, принес туда пылевую бурю «среднего калибра». В других местах погода «благоприятствовала», урожай погиб, но почва осталась на полях. 22 апреля 2004 года, снова в Нью-Мексико, «красная» пылевая буря привела к столкновению на скоростном шоссе десятков машин.

Нередки пыльные бури и на юге Советского Союза. Отец вспоминал о бурях 1948 и 1949 года на Украине. Черную бурю 1960 года, прошедшую по полям Кировоградской области, даже обсуждали на заседании Президиума ЦК. О пыльной буре апреля 1969 года с ветром в 35–40 метров в секунду, прошедшей по полям Краснодарского края и Ставрополя, пишет Петр Шелест.

Другое дело, буря буре – рознь, масштабы катастрофы определяют солнце и ветер. И того и другого в мае 1963 года в Казахстане оказалось в избытке.

Наиболее надежное лекарство от черных бурь – непаханая целина. Не потревоженные плугом, переплетенные в ковер корни травы цепко держат почву, и никакой ветер не страшен. Черные бури – порождение хозяйственной деятельности человека, на землю они пришли вместе с зарождением земледелия, и их разрушительная мощь множилась по мере его развития. Неслучайно, что древнейшие и сильнейшие пылевые бури регистрировались в колыбели человеческой цивилизации, в Китае и на территории Персии.

Человек породил черные бури, и ему придется усмирять их. Нельзя сказать, что с черной бурей нет сладу, но как известно: «гром не грянет – мужик не перекрестится». В США после черной бури 1935 года начали перемежать кукурузные и пшеничные поля полосками земли, засеянными травой и кустарником. Они гнали ветер поверху, не позволяли ему разгуляться внизу, у самой пахоты. На российском и украинском юге испокон века поля разде-

лялись лесозащитными полосами. В Казахстане до лесозащиты руки еще не дошли, а где дошли, деревья вырасти не успели.

Нужно сказать, что на целине не сидели сложа руки. И не только на целине. «9 октября 1959 года по указанию Хрущева, – пишет И. Е. Зеленин, – Президиум Академии Наук СССР обсуждал вопрос “О мероприятиях по борьбе с водной и ветровой эрозией почвы”. В 1960 году состоялся I Всероссийский съезд почвоведов, проводились и другие мероприятия. В своих выступлениях конца 1950-х – начале 1960-х годов Хрущев, оставаясь горячим сторонником пропашной системы земледелия, постоянно отмечал, что для Казахстана и других целинных районов чистые пары, до 15–20 процентов в общей структуре пашен, необходимо сохранить».

Уменьшает разрушительный эффект ветра черных бурь и так называемая безотвальная пахота, когда вместо плуга, выворачивающего наружу пласт земли, используют «плоскорезы, которые не переворачивают пахотный слой земли, а подрезают его с последующей обработкой дисковыми боронами». Так борются с эрозией почвы в Канаде. Летом 1963 года отец послал туда специальную сельскохозяйственную делегацию поднабраться опыта у фермеров.

За безотвальную пахоту с разделительными травяными полосами на полях ратовал и целинный академик Александр Иванович Бараев. Я уже писал и еще напишу о столкновениях целиноградского ученого-агронома Бараева с алтайским селекционером Наливайко. Отец тогда принял сторону Наливайко. В неблагоприятном 1963 году на своей Опытной станции Бараев получил привычно-устойчивый урожай. Отец спохватился и сразу начал принимать решительные меры. «Хрущев, в отличие от большинства его коллег, был способен на признание (правда, не всегда публично) и исправление допущенных в аграрной политике ошибок, в том числе и своих собственных, действуя в этой связи с присущей ему энергией и напористостью, – пишет Зеленин. – В 1963–1964 годах лидер партии пересмотрел свое крайне негативное отношение к рекомендациям Бараева, выдающегося ученого и практика. Система засушливого земледелия, в разработку которой огромный вклад внес академик А. И. Бараев и возглавляемый им институт, была полностью реабилитирована и в широких масштабах стала распространяться по целине».

Я не полностью соглашаюсь с Зелениным в части «крайне негативного отношения к рекомендациям Бараева». Отец действительно взял сторону Наливайко, но это не значило, что Бараеву «перекрыли кислород». Он продолжал работать, экспериментировать, публиковаться в специальных изданиях и центральных газетах. Кто-то следовал его советам, кто-то – нет. Другое дело, что повсеместно внедрять его рекомендации начали только после катастрофы 1963 года. В мае налетела черная буря, а уже 1 июня 1963 года Бараев публикует в «Известиях» большую, я бы сказал, инструктивную статью о своем методе.

Однако разворот в сторону Бараева не означал возврата к травополью и не свидетельствовал о том, что на Наливайко поставили крест. К тому же казахстанская целина – одно, а алтайская находится в иных климатических условиях. Борьба, научная, естественно, Бараева – Наливайко началась не в 1963 году и в 1963-м не закончилась и не могла закончиться, как не заканчиваются научные споры, если они действительно научные. Каждая из сторон находит новые аргументы в подтверждение своей позиции и одновременно корректирует эту позицию, а затем опровергает или учитывает мнение оппонентов. У тех и других находятся свои сторонники, порой весьма горячие. И так продолжается без конца, ибо только в таком противостоянии отыскивается рациональное зерно. Правда, отыскать его нередко удается кому-то третьему, не замешанному в споре, но заинтересованному в получении результата. Сами спорщики-ученые и их болельщики к компромиссу обычно не склонны.

Вернемся к реалиям весны 1963 года. Одна только пыльная буря не могла привести к катастрофе. Навалилась новая беда. В начале лета, тогда, когда наливаются зерно, выпав-

ший или не выпавший вовремя дождь определяет судьбу будущего урожая. И тут, как назло, установилась изнуряющая, все иссушающая жара, и не в одной какой-то местности, а практически по всей стране: в Казахстане, в Сибири, на Украине. Засуха предвещала настоящую беду. Такого неблагоприятного сочетания погодных условий не случалось не только в годы хрущевского десятилетия, но и вообще в XX веке. По многолетним наблюдениям, в России из каждых десяти лет три года – привычно неурожайные из-за погоды: заморозков, засухи, пролившихся не вовремя дождей, но катастрофические природные аномалии, подобные тем, что случились в 1963 году, наблюдаются раз-два в столетие. Последний раз такое отмечалось в 1890 году, что повлекло за собой всенародные бедствия, повсеместный голод, мор, целые губернии обезлюдили.

Я запомнил, как в предыдущие годы в ответ на жалобы министра сельского хозяйства, секретарей обкомов на засуху, мороз, град, отец отвечал: «Страна наша огромна, в одном месте высушит или зальет, но в другом выручит. Надо не на погоду ссылаться, а работать». В «нормальные» годы его аргументы звучали справедливо, но только не в 1963 году, когда от Украины до Байкала на полях страны почти не оставалось «здоровых мест». В тот год Москва буквально выколачивала из украинцев 700 миллионов пудов (11,2 миллиона тонн). Шелест сопротивлялся, убеждал: животноводство тогда останется ни с чем. В ответ Подгорный приводил свои аргументы: в Сибири настоящая катастрофа, Казахстан при плане 960 миллиона пудов (15,3 миллиона тонн) даст не более 250 миллионов пудов (3 миллиона тонн), а Алтайский край вместо запланированных 250 миллионов пудов (3 миллиона тонн) не вытягивает и на 10–15 миллионов пудов (то есть 160–210 тысяч тонн).

Цифры у меня вызывают сомнения, Подгорный использовал их как аргумент в давлении на украинцев. На самом деле Казахстан сдал 400 миллионов пудов зерна, несколько меньше половины запланированного.

После долгих препирательств Москва и Киев договорились «сделать подробные просчеты истинного положения дел с хлебом в республике». Расчеты оказались неутешительными: по сравнению с не ахти каким удачным 1962 годом в 1963 году в среднем урожайность по Украине упала на 3,5 центнера с гектара, и вместо ожидаемых 900 миллионов пудов зерна (14,4 миллиона тонн) украинцы не дотянули до 600 миллионов пудов (9,6 миллионов тонн).

Не спас положения хороший урожай в Поволжье и на Северном Кавказе. Саратовская область сдала зерна 165 миллионов пудов (2,6 миллиона тонн), Краснодарский край – 202 миллиона пудов (3,2 миллиона тонн), на 52 миллиона пудов больше плана, Ставрополье поставило 175 миллионов пудов (2,8 миллиона тонн) при плане в 127 миллионов пудов. Хорошо потрудились, считал отец, и молдаване, их вклад составил 40 миллионов пудов (740 тысяч тонн) зерна.

Но все это капля в море. Успехи ни в коей мере не компенсировали потери. Валовой сбор зерна в 1963 году составил всего 107,5 миллиона тонн и по сравнению с 1962 годом (тогда собрали 140,2 миллиона) упал почти на 30 процентов, урожайность тоже снизилась с 10,9 центнеров с гектара до 8,3. В результате в 1963 году заготовили всего 44,8 миллиона тонн зерна, на 10,7 миллионов тонн больше, чем в 1953 году, но на 11,8 миллионов тонн меньше, чем в 1962 году.

Это цифры конца года, а в середине лета ситуация казалась еще ужаснее, о чем свидетельствует приведенный выше разговор Подгорного с Шелестом. Страна очутилась на грани. О голоде, сравнимом с голодом 1890 года речи не шло, но отцу стало не до реформ. В 1963 году все усилия свелись к тому, как продержаться до нового урожая, как сохранить достигнутый с таким трудом за эти годы относительный достаток, не скатиться к очередям 1953 года или того хуже, к карточкам 1947-го. Они тогда рассматривались как один из вероятных сценариев разрешения продовольственного кризиса. Другой сценарий – закупка зерна за границей.

Государственные резервы, 6,3 миллиона тонн зерна, отец распорядился не трогать, дефицита они не покрывали, а страна не могла остаться вообще без ничего – вдруг случится еще какое-нибудь несчастье. Мнения разделились. Минфин, ВСНХ, Госплан и их куратор Косыгин выступали за карточки. Они считали покупку зерна у иностранцев нерациональной, платить придется золотом, а золото – это тоже госрезерв, не менее неприкосновенный, чем зерно. Отец с ними не соглашался: карточки на хлеб отбросят нас в ранние послевоенные годы, да и закупить зерна требуется не сверхъестественно много, ситуация с зерном не столь трагична, ведь при всех невзгодах собрали зерна на 15,3 миллиона тонн, почти на миллиард пудов больше, чем в 1952 году, самом урожайном из сталинских лет (сравним 92,2 в 1952 году и 107,5 миллионов тонн в 1963-м). За прошедшее десятилетие люди забыли о хлебных перебоях, очередях у дверей булочных с ночи, привыкли, что хлеба на полках вдоволь. «И в конце концов, – возражал отец Косыгину и иже с ним, – население вправе требовать от правительства, чтобы оно о нем заботилось, мы не можем действовать ни методами Сталина, который вывозил хлеб за границу, тогда как на Украине в 1947 году люди пухли с голода, доходило дело до людоедства, ни идти по стопам правительства Николая II, когда в 1890-м и в последующие годы, годы страшного голода, Российская Империя экспортировала “голодный хлеб”, чтобы не просрочить выплаты по немецким и французским займам», – приводит слова Хрущева Федорова В. Г. в своей публикации в «Независимой газете» от 2 февраля 1999 года.

– Золота, конечно, жалко, – соглашался отец со своими оппонентами. – Но на то и резервы, чтобы в случае беды ими воспользоваться. Сталин готовился к новой войне, копил его, как скупой рыцарь. Теперь же война не грозит, от американского нападения нас надежно защищают ракеты.

Победил отец, решили, в порядке исключения, закупить зерно у капиталистов, расплатившись золотом. 6,8 миллионов тонн продала Канада, 1,8 миллиона тонн – Австралия. 400 тысяч тонн заимообразно предоставили румыны. США долго сомневались, но 8 октября 1963 года, за полтора месяца до своей гибели, президент Кеннеди подписал разрешение на экспорт пшеницы в СССР. Всё вместе составило около 12 миллионов тонн. Избавление от голода стоило 372,2 тонны золота из наличного на тот год запаса в 1082,3 тонны.

Хрущеву по сей день пеняют за разбазаривание золотого запаса, и я осуждал его в тот год, но сейчас стало ясно – поступил отец совершенно правильно, по-мужски.

С закупкой около 12 миллионов тонн зерна ситуация стабилизировалась, ни карточки, ни тем более голод стране больше не угрожали. Вместе с заготовленными к осени 44,8 миллионами тонн общая цифра составила 56,8 миллионов тонн, чуть больше прошлого года. Правда, на внутреннее потребление пустили всего 51,2 миллиона тонн, в отличие от 56,6 миллионов тонн в 1962 году, на 4,4 миллиона тонн меньше, разницу в 700 тысяч тонн заложили в госрезерв. Он увеличился с 6,3 миллиона тонн до 7 миллионов. Если сложить 51,2 и 0,7 миллиона тонн, получится 51,9. На 4,9 миллиона тонн меньше по сравнению с общим поступлением зерна 56,8 миллионов тонн. Его, видимо, несмотря на неурожай, пустили на прокорм наших восточноевропейских союзников: немцев, чехов, венгров. Возникшую во внутреннем потреблении зерна дыру примерно того же размера, 4,4 миллиона тонн, сбалансировали за счет временного отступления от стандартов на выпечку хлеба: в том году разрешили добавлять в него кукурузную, гороховую муку, а уж если совсем прижмет, то еще и картофель с отрубями.

– Как же так? – запричитал я, но отец никакой большой беды в добавках не усматривал.

– Едят же молдаване и хлеб из кукурузы, и мамалыгу. Только нахваливают, – успокаивал он меня. – Я сам ел кукурузный хлеб в молодости. Очень даже хороший хлеб, только черствеет быстро.

Я промолчал. Слова отца не убеждали, но что толку возражать, если сказать ему больше нечего.

«Появившиеся на прилавках ленинградских булочных в середине сентября 1963 года батоны с примесью гороховой муки, имевшие характерный зеленоватый цвет, стали завершающей точкой во всеобщем недовольстве продовольственной политикой Хрущева», – пишут историки Лебина и Чистиков.

Литературовед и литературный критик, заместитель Твардовского в «Новом мире» Владимир Яковлевич Лакшин записал 17 октября 1963 года в дневник: «В Москве – паника у булочных. Исчез белый хлеб, нет манки, вермишели. Очереди, народ злится, и никто не стесняется говорить, что думает».

С хлебом действительно стало хуже. Люди запасались на «черный день». Ажиотаж, вызванный слухами о неурожае, грядущем голоде, сметал с прилавков все. Потребление осенью 1963 года резко возросло, снабжение не успевало восполнять возникавший то тут, то там дефицит, полки в магазинах пустели. А к тому же еще «зеленый» хлеб! Худшего никакие враги не могли бы придумать. И дело не в его качестве, а в непривычности. К слову сказать, в США хлеб с гороховыми и кукурузными добавками относится к деликатесным сортам. Зеленый батон стоит раза в два-три дороже обычного пшеничного.

Неурожай 1963 года больно ударил по авторитету отца. Еще бы, два года назад он наобещал построить коммунизм, а теперь и приличного хлеба в магазине не найдешь. И в столовых исчез бесплатный хлеб, как объяснили – временно, всего на год. Объяснения никого не интересовали, главное – хлеб исчез. Нечего и говорить, 1963 год, самый неудачный из всего «хрущевского» периода, перечеркнул достижения всех предыдущих лет. Людям, вопреки фактам, вдруг стало казаться, что при Сталине они жили лучше.